

Ли Ляньхуа, только что получивший от Фан Добина подарок для примирения с Бай Ляньхуа, чихнул. Почему-то стало зябко. В руках он держал увесистую коробку, от которой исходил сладкий аромат выпечки и конфет, но Ли Ляньхуа решил, что холод — это просто наваждение.

— Ли Ляньхуа, ты в порядке? Не простудился? — обеспокоенно спросил Фан Добин, глядя на него.

— Как такое возможно? Наверное, кто-то вспоминает меня добрым словом, — Ли Ляньхуа с выражением человека, который прекрасно осознает свою неотразимость, беспомощно покачал головой.

Фан Добин, видя самолюбование Ли Ляньхуа, лишь подумал, что у того кожа толще, чем подошва сапога. Впрочем, сейчас это было неважно. Он поспешил напомнить:

— Ты уж передай всё это сестрице Бай, объясни ей, что я вовсе не имел в виду то, что она подумала...

— Не переживай, — Ли Ляньхуа кивнул с видом человека, который берет всё на себя. — Мы с тобой в таких отношениях, разве я могу не помочь?

Он похлопал Фан Добина по плечу и, прижимая коробку к груди, зашагал прочь. Оставшись на месте, Фан Добин принялся рассуждать вслух перед своим слугой Ванфу о том, какой же Ли Ляньхуа всё-таки хороший друг.

Ванфу с недоумением спросил:

— Молодой господин, но ведь вы сами говорили, что во всем виноват он?

Фан Добин тут же вспомнил, что вся эта история с извинениями началась лишь потому, что сестрица Бай услышала, как он ругает Ли Ляньхуа, и всё неверно истолковала. Он пришел в ярость:

— Да как этот Ли Ляньхуа вообще смеет...

Ванфу, заметив, что хозяин сердится, начал толкать его кресло, пытаясь успокоить:

— Господин, не гневайтесь. Госпожа Бай-лекарь говорила, что вам вредно волноваться, это мешает выздоровлению.

Ли Ляньхуа, ставший обладателем целой коробки сладостей, конечно, не знал о новой вспышке гнева Фан Добина. Он в прекрасном настроении вернулся к себе и сразу же столкнулся с Бай Ляньхуа, жившим по соседству.

Бай Ляньхуа посмотрел на коробку в руках Ли Ляньхуа. Немного поразмыслив, он понял, что тот не мог купить её сам — денег у него не водилось.

— О, и куда же ты собрался с моим подарком для примирения? — насмешливо спросил он.

Ли Ляньхуа прижал коробку к себе и возразил:

— Какой еще твой подарок? Это мне Фан Сяобао дал.

Бай Ляньхуа не стал спорить, лишь перевел тему:

— А я-то думал, кто-то узнал, что я люблю сладкое, и специально купил это в знак извинения.

Ли Ляньхуа не ожидал, что тот в курсе. В тот день, когда он говорил об этом с Сяобао, он не заметил никого поблизости. Знал, что Бай владеет боевыми искусствами, но не думал, что настолько искусно. Ли Ляньхуа задумался, с какой целью тот находится рядом, и, протягивая коробку, спросил:

— Ты любишь сладкое?

Несмотря на то, что они проводили много времени вместе, Ли Ляньхуа так и не понял вкусов соседа. Тот казался равнодушным ко всему: жил изысканно, с удовольствием ел деликатесы в шелках, но и простой похлебке не брезговал.

Бай Ляньхуа не заботило, о чем думает Ли Ляньхуа. Он спокойно взял коробку и собрался уходить. За эти дни он успел заметить, что Ли Ляньхуа любит сладкое, а когда тот был не в духе, самому Бай становилось веселее.

— Ты же сам сказал, что я люблю, — бросил он через плечо, а затем добавил: — Кстати, думаю, тебе стоит продолжать принимать мои целебные отвары.

Бай Ляньхуа не волновало, как скривилось лицо Ли Ляньхуа. Он и не думал объяснять, что нарочно делал лекарство таким отвратительным на вкус. Но, поразмыслив, решил: если Ли Ляньхуа привык к гадости, то вкусное лекарство может ему не понравиться, так что придется продолжать варить горькую дрянь.

Когда пришло время ужина, Ли Ляньхуа обнаружил, что его отвар, который он пил еще на Восточном побережье, стал пахнуть еще горше.

— Ты что, тайком добавил туда коптис? — Ли Ляньхуа вспомнил методы одного господина по фамилии Ван и прямо спросил Бай Ляньхуа, который невозмутимо жевал пирожное.

Бай Ляньхуа доел лакомство, неспешно запил чаем и лениво ответил:

— С чего бы господину так думать? Просто рецепт немного изменился.

Ли Ляньхуа не стал отвечать, поверил он или нет. Вдыхая сладкий аромат, исходящий от соседа, и глядя на свою горькую чашу, он не удержался:

— Ты сам-то есть не будешь?

Бай Ляньхуа поднял взгляд на Ли Ляньхуа и широко улыбнулся:

— Господин, мне очень нравится это пирожное. Особенно приятно, что я его, по сути, отвоевал.

Ли Ляньхуа молча уткнулся в свою горькую похлебку, делая вид, что напротив никого нет. Когда он закончил, Бай подвинул к нему стакан чистой воды. Ли Ляньхуа запил горечь и принял из рук соседа конфету. Он почувствовал себя немного утешенным — возможно, сказывалось привыкание к тому, что его постоянно притесняют.

Бай Ляньхуа, подперев подбородок рукой, наблюдал, как Ли Ляньхуа ест конфету, и вдруг произнес:

— Господин, боюсь, что ваше противоядие создать не удастся...

Ли Ляньхуа охватило отчаяние. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но Бай Ляньхуа перебил его:

— Но у меня есть техника, при освоении которой истинная энергия в теле объединяет инь и ян, позволяет овладеть всеми боевыми искусствами мира и делает практикующего невосприимчивым к ядам...

— Невосприимчивым к ядам? Я... — Ли Ляньхуа был ошеломлен такими резкими переменами и, замерев, уставился на Бай Ляньхуа.

Бай Ляньхуа не интересовало, что думает Ли Ляньхуа. Он достал трактат «Искусство Северного моря» и протянул его Ли Ляньхуа, спокойно заметив:

— Даже с разбитыми меридианами можно практиковать это искусство. Когда достигнешь успеха, сам сможешь выводить токсины из организма. Правда, нужно дойти до совершенства. Если у тебя плохие задатки, можешь даже не начать.

— Господин Ван, эта книга слишком ценна, я не могу принять такой дар, — Ли Ляньхуа

понимал, что трактат, способный восстановить меридианы, бесценен, и не мог просто так взять его.

— Это всего лишь книга. Я даю её тебе, значит, теперь она твоя. Пустяки, — Ван Ляньхуа (Бай Ляньхуа) говорил это с такой уверенностью, что не видел в своих словах ничего странного. Он не стал ждать согласия Ли Ляньхуа, бросил книгу на стол и ушел.

Ли Ляньхуа так и остался сидеть, ошеломленно глядя на лежащий перед ним трактат.

<http://bllate.org/book/20711/2071149>